

МИФЫ В ШКОЛЬНОМ КУРСЕ ЛИТЕРАТУРЫ

А. В. Жучкова

Российский университет дружбы народов, Москва

Статья посвящена проблеме мифологизации поэтов Серебряного века в школьном курсе литературы. Признавая мифологизацию скорее позитивным, нежели негативным способом рефлексии, автор предлагает пересмотреть некоторые мифы постсоветской эпохи, ограничивающие восприятие жизни и творчества А. Ахматовой, О. Мандельштама, В. Маяковского и др. темой отношений поэта с тоталитарным режимом.

Ключевые слова: миф, Серебряный век, А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, Анти-Ахматова, литература в школе.

Лет десять назад в книжных магазинах стали стремительно размножаться издания серии «Без глянца»: «Ахматова без глянца», «Блок без глянца», «Маяковский без глянца» и т. п., содержащие отрывки писем, дневников и прочих документальных свидетельств жизни того или иного канонизированного русской литературой художника, составленные так, чтобы представить данную фигуру в весьма неприглядном свете.

В то же время появилась еще более враждебная поэтам серия книг Т. Катаевой «Анти-Ахматова», «Другой Пастернак», «Пушкин. Ревность».

Эти пасквили произвели большой переполох в литературном сообществе. Сегодня они исчезли из актуальной филологической дискуссии, однако глать поколебленных ими литературных мифов еще не успокоилась.

Известно, что представления о величайших русских поэтах и писателях, бытующие в самосознании народа, — это мифы. Есть миф «Пушкин — наше всё», миф «Ахматова — русская Сафо, научившая женщин говорить и противостоявшая сталинскому террору», миф «Гумилев — рыцарь без страха и упрека» и проч. Фольклоризация представлений об исторических личностях — процесс неизбежный и отнюдь не формальный, а творческий и благотворный. Именно в виде мифа значимая информация а) сохраняется в народной памяти, б) унифицируется, приходя к единому образу, доступному восприятию всех представителей данного общества, что в) порождает чувство общенационального единства и г) позволяет каждому представителю общества осознавать свою национальную идентификацию.

Почему в начале XXI века стал актуальным пересмотр сложившихся мифов, спровоцированный выходом вышеназванных книг?

На наш взгляд, данная тяжелая и неприятная для большей части литературного сообщества трансформация была необходима, поскольку некоторые мифы стали неактуальными. Живой миф должен быть эквивалентен эпохе, отражать самосознание народа. Миф же об А. Ахматовой, например, держался в первую очередь на выпячивании значимости ее отношений с властью. То же — с фигурами В. Маяковского, Н. Гумилева, М. Горького. За их отношениями с

властью и за отношением власти к ним мы почти не видели самого поэта и его поэтику. Если говорить о преподавании литературы в школе, то образ Ахматовой на уроках литературы создавался переплетением следующих мотивов: «не уехала в эмиграцию («„Мне голос был. Он звал утешно...“»», «брошенная и — вдова (стихотворения о несчастной любви)», «страдающая мать („Реквием“»», «поэт, которого не печатали». Все несущие конструкции мифа опираются на одну мысль — противостояние поэта и советской власти, поэта и сталинской тирании.

Подобная трактовка жизни и творчества Ахматовой отвечала национальному самосознанию того времени, когда запрещенные поэты стали возвращаться, когда политическая утрированность ахматовского мифа была эквивалентна ломке советской идеологии, борьбе с ней в душах людей. Мифологизация других возвращенных поэтов Серебряного века шла практически по тому же пути и сегодня с тех же позиций преподается в большинстве школ.

Однако в XXI веке для национального самосознания уже не так важна тема борьбы с тоталитаризмом. И для преподавания литературы в школе нужен другой ракурс изучения поэтов Серебряного века. Политическая история нашей страны, даже такая болезненная и страшная, как история XX века, для современных подростков, к сожалению, лишь еще одна проекция альтернативной реальности, наряду с виртуальной реальностью компьютерных игр, фэнтези и сериалов. И с этим надо считаться. По-настоящему увлечь ребенка в литературе может то, что созвучно его интересам, а значит, что-то глубоко человеческое, помогающее ему ориентироваться в мире (и всех его остальных мирах тоже). Ведь любые миры, в которых он так или иначе обитает, управляемы одними и теми же базовыми человеческими законами, которые ребенок очень хочет понять. Наверное, именно этим объясняется неугасающий интерес девочек к творчеству Э. Асадова, о котором недоумевающая пишет Вл. Новиков в «Романе с языком». Стихи Асадова просты и практичны, они описывают конкретные узнаваемые ситуации и предлагают готовые варианты нравственных решений.

В статье мы рассматриваем образы некоторых поэтов Серебряного века с точки зрения их мифологических конструкторов и стараемся определить, эквивалентны ли эти мифологические конструкторы современности.

Замечу, что творчество настоящего поэта настолько многогранно, что попытка увидеть его с разных ракурсов — дело профессиональное, научное и правильное. В нашем подходе нет, как может показаться, подстраивания эйдоса под дидактику. Это лишь еще один взгляд на русскую поэзию, еще один шаг от прошлого к настоящему и будущему.

Лирика А. Блока обычно рассматривается в школьном изучении как поиск идеальной возлюбленной, где первый этап — ожидание Прекрасной Дамы, второй — разочарование в Даме и период Незнакомки и кабаков («Я пригвожден к трактирной стойке...»), третий — встреча с идеальной возлюбленной в образе Родины: «О, Русь моя! Жена моя...» Эта парадигма хорошо запоминается, отмечена возвышенно-патриотическим пафосом, контрастно срежиссирована

на: позитив — негатив — позитив, однако она имеет, на наш взгляд, два недостатка: а) Блок выступает в амплу героя-любownika, и только б) лейтмотив поиска истинной любви не объясняет искреннего порыва Блока к музыке Революции и драму поэмы «Двенадцать». «Соловьиный сад» и «Двенадцать», включенные в школьную программу, оказываются исключены из контекста мифа о Прекрасной Даме и отчасти даже ломают его. Получается, что существующий блоковский миф внутренне противоречив.

Модель изучения творчества и судьбы В. Маяковского удобно «раскладывается» на две части: лирика и сатира. Школьники готовы искренне полюбить романтического гиганта, если их эвристические усилия будут направлены на самостоятельную добычу звездных крупиц поэзии из булыжников его просоветских стихотворений. В ту же бинарную схему хорошо вписывается и романтическое мировоззрение Маяковского, и его большое желание служить Родине, обернувшееся трагическим несоответствием. Если миф Блока построен на троичности, то миф Маяковского — на антиномии. И антиномии, кажется, очень релевантной.

Подход к изучению творчества М. Цветаевой, к сожалению, обычно сугубо биографический: отец — основатель Пушкинского музея, ранняя смерть матери, многочисленные романы, муж, дети, эмиграция, война, самоубийство. Кто виноват и что можно было сделать? В схеме «тема рока и трагизм лирики Цветаевой» мне не хватает простора лирического окоема Цветаевой, широты ее дружественной всем и всему души и особенно — разговора о ее яркой поэтике, которую с детьми можно изучать и трогать. Поэтика Цветаевой понятна, в отличие от, скажем, не менее гениальной, но непонятной школьникам поэтики О. Мандельштама. И именно из поэтики можно вывести цветаевский миф, из ее красочности, из ее простора и свободы.

А вот миф О. Мандельштама как в школьном, так и в литературном мире пока не сформирован. Потому что наличный мотив «тема поэта и власти» слишком примитивен. Противоборство Иосифа и Осипа. Тяжелая жизнь и трагическая гибель. То, что пишут о Мандельштаме сегодня, — скучно. Все новые разговоры о судьбе, все новые пересказы буквальных смыслов и контекстов стихотворений, все новые попытки интертекстуальных сопоставлений. А по хорошему, его надо просто читать. Слушать музыку его речи. Недаром Мандельштам говорил о себе как о певце, о том, что стихотворение начинается с внутренней погудки. Терпеливое вслушивание в речь, прикосновение к словам и фразам, на первый взгляд темным и непонятным, вознаграждается тем, что постепенно, как в волшебном кристалле, перед взором читателя начинают проявляться внутренние образы текста, нужные символы и смыслы, сцепляясь, находят друг друга и образуют ясную сущность стихотворения. Сейчас искусство стремится к синкретизму. Стихи и проза исполняются под музыку, музыка — под видеоряд. Медитативные техники близки пониманию наших детей. А поэзия Мандельштама именно медитативна, она не требует рациональной рас-

шифровки (хотя требует определенного культурного багажа), и направлена напрямую от сердца к сердцу.

Мифом Мандельштама могла бы стать история о том, как человек слабый, неуверенный, мнительный смог победить всепоглощающее чувство страха и обрести подлинную свободу. Миф Мандельштама — это история личностного роста человека, который в тяжелейшее время решил вынести социальные и политические перипетии за скобки своего существования, чтобы освободить внутреннее Я от их диктата. История человека, который открыто противопоставил себя деспотизму Сталина, и стал выразителем духа народа, призывая людей верить в свою силу и не поддаваться мороку тирании. Человека, который, предчувствуя близкую гибель, пишет стихи о красоте окружающего мира, принимает и благословляет целесообразность жизни и гармонию мироздания.

Миф Ахматовой достаточно сложен в большом литературном мире, но прост и понятен — в школьном. И, пожалуй, именно школьный миф ближе к истине. Вл. Новиков пишет в фейсбуке: «В недолгую бытность школьным учителем я на факультативе о поэзии проводил сравнение Асадов / Ахматова (описано в „Романе с языком“). Именно практическая, бытовая материализация любовных переживаний ценится школьниками у Ахматовой, что и приближает в некоторой степени ее лирику к творениям Асадова. Ну что же, Ахматова знала, на что шла, наполняя поэзию вещами и оставляя чувству, не выраженному словесно, возможность свободно бродить между ними».

Эта статья предлагает по-новому взглянуть на мифологию отдельных поэтов Серебряного века, но ни в коем случае не претендует на выкройку новых лекал для понимания их творчества. Да это и не под силу даже самому изощренному исследователю. Мифы формирует народное сознание. И мы сейчас как раз и переживаем этот период, когда ранее устоявшиеся мифы сменяются новыми. Более приближенными к человеку, а не к идеологии.

Об авторе

ЖУЧКОВА Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов, Москва; e-mail: sarga@mail.ru